

На следующее утро, еще до того, как проснулись птицы, Су Хэ, к своему удивлению, обнаружил Шэн Цзинью в гостиной, только что вернувшегося с утренней пробежки.

Шэн Цзинью выглядел ужасно. Он молча присел на корточки перед напольным шкафом, рылся в аптечке, явно не в силах пользоваться правой рукой. Когда Су Хэ подошел ближе, он заметил мелкие капли пота на лбу Шэн Цзинью. Похоже, его вчерашняя травма руки усугубилась, и он искал средство для облегчения боли. Однако он достал лекарство от головной боли — совершенно не то, что нужно.

«Не стоит принимать лекарства наугад. Позволь мне помочь. Где болит? Я найду тебе подходящее лекарство», — сказал Су Хэ, подойдя, чтобы вмешаться.

«Твое присутствие меня беспокоит», — холодно ответил Шэн Цзинью, нахмутив брови и бросив на Су Хэ пренебрежительный взгляд.

Если у него еще были силы на резкие ответы, то все не могло быть так плохо.

«Тогда не смотри на меня».

«Это мой дом. Я смотрю, куда хочу».

«Я тебя не останавливаю. Это ты не хочешь смотреть».

«...»

Шэн Цзинью внезапно встал, у него, похоже, тоже начала болеть голова. Он навис над Су Хэ, как стена ледяной враждебности.

«Хорошо, тогда не смотри. Не нужно злиться», — успокаивающе сказал Су Хэ, как всегда терпеливый, ведь Шэн Цзинью был, в конце концов, его спасителем.

Он повернулся, чтобы позвонить. «Тогда я позвоню доктору Гу».

Когда Гу Мин вошел, один взгляд на состояние Шэн Цзинью вызвал у него яростный взрыв.

Вторичная травма его сломанной руки вызвала повторное воспаление, которое привело к небольшой температуре. В свою очередь, температура усугубила симптомы сотрясения мозга. Одна проблема привела к другой; ни одна часть его тела не осталась незатронутой.

«Разве я не говорил тебе не использовать эту руку? Что случилось на этот раз? Ты пошел драться? Действительно ли тебе нужно было ввязываться в драку?» Гу Мин строго посмотрел на него.

Шэн Цзинью закрыл глаза, молчал, впиваясь пальцами в виски, а его брови сдвинулись в острые горные вершины.

Су Хэ, чувствуя укол совести, попытался объяснить ситуацию от имени Шэн Цзинью, но Гу Мин остался непреклонен, его острый взгляд то и дело перемещался между Шэн Цзинью и полом.

«Если ты не хочешь в будущем превратиться в болтливого идиота, оставайся на месте в течение следующих нескольких дней и никуда не уезжай. Я поговорю с председателем Шэн. Сейчас тебе больше всего нужен покой и тишина, чтобы восстановиться», — серьезно сказал Гу Мин.

Но Шэн Цзинью не поверил ему. «Ты то же самое говорил в прошлый раз. Это не очень убедительно».

«В прошлый раз я, возможно, преувеличил, но в этот раз ты должен мне поверить. Ты все еще хочешь садиться за руль или нет?» — настаивал доктор Гу.

Шэн Цзинью внезапно сказал: «В любом случае, я больше не буду садиться за руль».

Его выражение лица было необычно серьезным. Гу Мин на мгновение ошеломился — он знал, что Шэн Цзинью говорил серьезно. Председатель Шэн не позволит ему продолжать свои «безрассудные увлечения».

Оба одновременно замолчали, и атмосфера в гостиной стала тяжелой.

Су Хэ взглянул на Шэн Цзинью, почувствовав, что тот в плохом настроении.

Гу Мин вздохнул и смягчил тон. «Я знаю, что ты не любишь, когда вокруг тебя много людей, но сейчас тебе нужен кто-то, кто будет рядом и поможет тебе с лечением. Я пошлю тебе самого надежного человека, которого у меня есть — человека, которого нельзя подкупить или повлиять на него. Это подойдет?»

Из-за этого неожиданного поворота событий Гу Мин был вынужден переоценить состояние Шэн Цзинью и разработать новый план лечения, требующий больше времени и внимания, чтобы предотвратить необратимые последствия.

Гу Мин полностью понимал настороженность и сопротивление Шэн Цзинью. С тех пор, как Шэн Цзинью лично удалил все камеры наблюдения в доме, он уволил половину персонала и ввел строгое правило: никому не разрешалось оставаться надолго без его разрешения.

Шэн Цзинью, казалось, взвешивал свои варианты, но Су Хэ понимал, что он не был склонен соглашаться.

«Или я могу просто организовать для вас частную палату. Вы можете остаться у меня, и я сам буду за вами присматривать», — предложил Гу Мин в качестве компромисса.

Шэн Цзинью молчал, как будто пассивно сопротивляясь этой идее.

Гу Мин знал, почему он так недоверчив — он понимал, и именно потому, что понимал, не мог придумать лучшего решения. Разочарованный, он провел рукой по волосам и пробормотал проклятие. «Что это за беспорядок?»

Нерешенный вопрос явно доставлял ему настоящую головную боль. Из обрывочных замечаний Гу Мина Су Хэ сложил, что Шэн Цзинью был глубоко подозрителен — должно быть, произошло что-то, из-за чего он больше не доверял никому...

Он сделал шаг вперед. «Доктор Гу, а как насчет меня?»

Гу Мин, казалось, почти забыл, что в комнате был еще кто-то. Подумав немного, он понял, что ему нужен не человек с обширными медицинскими знаниями, а просто надежный и внимательный. А поскольку Шэн Цзинью не принял бы постороннего, Су Хэ действительно был идеальным кандидатом.

Он кивнул. «Ассистент Су, я думаю, вы подойдете».

Итак, Шэн Цзинью начал недельный период восстановления, находясь в помещении вместе с Су Хэ.

Благодарный за его доброту, Су Хэ выполнял свои обязанности с еще большим терпением, чем раньше.

Каждый день он без устали обыскивал каждый уголок виллы в поисках Шэн Цзинью, ставил будильники, чтобы напомнить ему о смене повязок и массаже травм. Гу Мин даже прислал традиционные лекарства, поручив Су Хэ ежедневно варить их в глиняном горшке на медленном огне.

Каждый раз, когда он варил лекарство на кухне, он держал дверь закрытой, чтобы запах не распространялся, и комната наполнялась клубящимся паром, что делало ее похожей на мистическое царство.

Надев маску, чтобы заблокировать запах, он время от времени выходил на свежий воздух, помешивая ложкой в руке.

Через некоторое время он обнаружил, что меняет одежду почти каждый день.

Однажды, когда он как обычно варил лекарство, он сел на стул перед горшком, готовый в любой момент помешать. Пар сделал его лицо красным, почти как после сеанса сауны.

Внезапно дверь кухни распахнулась. Су Хэ повернулся, но густой туман не позволял увидеть, кто вошел.

Шэн Цзинью бесстрастно размахал рукой, чтобы рассеять пар перед собой, и резким щелчком включил систему вентиляции.

Когда белый туман постепенно рассеялся, Су Хэ увидел выражение лица Шэн Цзинью — оно как будто говорило: «Ты идиот?».

Затем, не сказав ни слова, мужчина ушел, как будто пришел исключительно для этого.

Когда пар быстро рассосался, Су Хэ наконец смог вдохнуть прохладный воздух и вздохнул с облегчением. По крайней мере, это избавило его от необходимости менять одежду каждый день.

Но это было не самое неприятное. Правая рука Шэн Цзинью снова была в шине, что делало его практически неспособным к действиям. Еда и одевание стали серьезными проблемами.

Когда Су Хэ пытался покормить его, Шэн Цзинью даже не позволял ему прикоснуться к миске, как будто боялся, что тот может его отравить.

Не умея ловко пользоваться палочками, Шэн Цзинью прибегал к вилкам или ложкам. Если ему не удавалось поднять что-то с первой попытки, он терпеливо повторял движение бесконечно, отказываясь от посторонней помощи.

Поскольку он не возражал против этих хлопот, Су Хэ тоже не возражал и просто стоял рядом, наблюдая, как он ест, и время от времени добавляя суп в его миску. Один прием пищи мог легко затянуться на полчаса.

С едой Шэн Цзинью справлялся, но одеваться и купаться ему было гораздо сложнее с одной неработающей рукой.

После душа Шэн Цзинью появился в шелковом халате. Надеть его было легко, но завязать пояс было совсем другое дело, и Су Хэ был вынужден оказаться лицом к лицу с полуголым старшим молодым господином Шэн.

К его чести, Шэн Цзинью не смущался и оставил халат распахнутым, хотя под ним он, по крайней мере, носил боксеры. Он стоял босиком на ковре перед зеркалом в пол, слегка раздвинув руки, и ждал, пока Су Хэ завяжет ему пояс.

Его тело было отмечено следами интенсивных тренировок — крепкие, четко очерченные мышцы, вены, слегка пульсирующие вдоль живота и спускающиеся к поясу трусов. Это было

молодое, мужественное тело, излучающее первозданную привлекательность.

Су Хэ, понизив голову, завязывал пояс, время от времени украдкой поглядывая на эти скульптурные мышцы живота и искренне завидуя. У него самого не было такого крепкого, здорового тела.

Вдруг Шэн Цзинью заговорил: «Вся эта внимательность только для того, чтобы я поверил в твое так называемое сотрудничество?»

Конечно, я делаю все это, чтобы ты поверил, что я хороший человек, и не порубил меня на куски.

Су Хэ с горечью подумал про себя, но все же кивнул и сказал: «Я не слишком рвусь. Это просто мой способ продемонстрировать искренность в нашем сотрудничестве».

Шэн Цзинью не прокомментировал его так называемую «искренность», молча наблюдая за его движениями.

Другой мужчина все еще сохранял следы свежести после душа. Су Хэ уловил этот запах и работал быстрее, быстро завязывая ремень в бант.

Затем он вежливо отступил назад.

Неделя пролетела быстро, и выздоровление Шэн Цзинью продвигалось гораздо быстрее, чем раньше.

Когда доктор Гу наконец сдался и разрешил ему выписаться, сразу же был вызван исполнительный помощник Фан. Пока они разговаривали в кабинете, Су Хэ только что проводил частного повара и приступил к работе над сегодняшними записями.

Когда Шэн Цзинью спустился вниз, он увидел Су Хэ, стоящего на одном колене у низкого стола, наклонившегося, как будто он что-то писал ручкой.

Это был не первый раз, когда он заставал Су Хэ за тайным письмом. Иногда Су Хэ даже

украдкой поглядывал на него, чтобы убедиться, что тот не смотрит, а затем снова опускал голову, чтобы втайне продолжить писать.

Шэн Цзинью всегда был слишком ленив, чтобы обращать на это внимание, но на этот раз он поймал его с поличным. Вероятно, этот человек тайно записывал его расписание — их так называемое «сотрудничество» было, скорее всего, просто тактикой, чтобы заставить его ослабить бдительность.

Чем больше он об этом думал, тем больше злился. Су Хэ был действительно глуп — кто бы стал использовать ручку и бумагу, такой примитивный и ненадежный метод, для чего-то подобного?

Он подошел к Су Хэ и резко спросил: «Что ты пишешь?»

Су Хэ вздрогнул, инстинктивно закрыв содержимое блокнота и пролепетав: «Ничего».

Его реакция только усилила подозрения Шэн Цзинью.

Тон Шэн Цзинью стал жестче. «Отдай».

Мысль о том, что было написано в блокноте, заставила Су Хэ колебаться, он не решался и уклонялся.

Но его уклончивые движения только разгневали Шэн Цзинью. Прищурился глазами, Шэн Цзинью холодно сказал: «Это ты называешь искренностью?»

Он подошел ближе, его голос был спокоен, но угрожающий. «Я не против, чтобы ты играл в игры передо мной, но лучше не строй козни за моей спиной. Иначе, даже если ты человек Шэн Цзунляня, я не пощажу тебя».

Конечно — ты лучше всех умеешь рубить людей на куски!

Сюй Хэ саркастически подумал, быстро моргая под свирепым взглядом Шэн Цзинью.

Не то чтобы он не боялся, но больше всего он чувствовал разочарование. «Не нужно мне угрожать. Это действительно ничего важного. Я просто не хотел тебе показывать, потому что там есть некоторые личные вещи».

Медленно он убрал руку и подтолкнул тетрадь к Шэн Цзинью, выглядя совершенно невинно. «После того, как ты прочитаешь... я смогу его забрать?»

Шэн Цзинью на мгновение засомневался, его рука замерла на полпути, когда эти большие, блестящие глаза устремились на него.

На мгновение он почувствовал себя злобным большим злым волком, заставляющим Красную Шапочку отдать свою корзинку с грибами.

Как это подло. Как жестоко.

«Я не буду его забирать. Просто покажи мне», — сказал Шэн Цзинью, как будто это делало его достаточно внимательным.

Су Хэ не оставалось ничего другого, как начать с самого начала. Записи занимали более десятка страниц, начиная с первой пустой страницы.

Большая часть содержания вращалась вокруг Шэн Цзинью — как он не любил жирную или соленую пищу, особенно острые специи; как он был привередлив в отношении фруктов, отказываясь от некоторых и поедая другие только в очищенном виде.

Не только его предпочтения в еде, но и такие детали, как когда он просыпался, когда выходил...

«Шэн Цзинью не ест вареный лук, сырой чеснок и все, что имеет вкус имбиря. Ни кинзы, ни сельдерея... (здесь опущено 200 слов). Какой привередливый!»

Рядом красным шрифтом было написано: «Ни в коем случае не давать арахис — аллергия!»

Далее:

«2 августа: Шэн Цзинью после пробуждения два часа занимался спортом, принял холодный душ. Даже не боится простудиться».

«3 августа: он простудился. Сейчас чихает».

...

«11 августа: Шэн Цзинью пошел на утреннюю пробежку. Его травма еще не полностью зажила, поэтому он вернулся с головной болью. Такой упрямый».

□ Твоя идея = твоя глава! □

□ Поделись своим вариантом названия — и читай следующую главу даром.

□ Замечаешь опечатку или неточность? Сообщи — и открой для себя новую бесплатную часть истории!

<http://bllate.org/book/14709/1314307>